

ЧЕРТЫ ГЕРОЯ ВРЕМЕНИ

Встретив на улице, я, пожалуй, не обратила бы внимания на него. Таких высоких парней с простым русским лицом видишь часто, особенно в утренние часы: они спешат занять свои рабочие места. Но здесь, у верстака, в экспериментальном цехе завода «Электроавтоматика», совсем другое дело. Здесь смотрю на него во все глаза. И когда мне говорят: «Вот Коля Орлов», мысленно произношу: «О!»

И мне кажется, что я очень давно знаю его. Он охотно отвечает на мои вопросы. Узнаю, что бригада по-прежнему держит звание коллектива коммунистического труда, что в среднем месячный план выполняется на 110 процентов. Многие ребята, закончив вечернюю школу, пошли учиться дальше. Слесарь Виктор Михайлович Пивиков уже кончает электротехникум связи. Монтажник Петр Умрихин учится в Таганрогском радиотехническом институте, туда же собирается поступить Леша Гайдидей.

Коля рассказывает, как вся бригада вместе встречала Первомай, весело и интересно. Рассказывает о заводе, о его успехах, о его будущем. За словами вырисовывается иное — человеческие характеры. И хотя Коля несколько раз говорит, что в жизни их бригады нет ничего необычного, эти ребята представляются мне самым замечательным творением нашего времени.

Откуда это ощущение? Ведь я всего час назад впервые встретила с ними. Ощущение это, вероятно, рождено тем обстоятельством, что Коля Орлов и его товарищи — герои очерка В. Чернова «Мы разжигаем пламя» («Октябрь» №11, 1962).

У очерка в сравнении с другими жанрами есть большое преимущество. С его героями всегда, при желании, можно встретиться, узнать о продолжении их судьбы.

Я использовала эту возможность и познакомилась с живыми героями написанной книги. Такая встреча заставляет о многом задуматься. О правде в жизни и в искусстве, о праве писателя на вымысел даже в таком жанре, как очерк, и о границах этого права...

— Правильно написал о вас Вадим? — спрашиваю Колю (Вадим Чернов работал в этом цехе).

— В общем все правильно, а кое-что и выдумал.

— Что же выдумал?

На этот вопрос Коля отвечает не сразу. Вот, например, было решение всем учиться, и решение это выполнялось, а такого дня, когда Оля обходила всех и записывала, кто где станет учиться, не было. Да и Оля сама придумана. О «Митькином брате» тоже Вадим намудрил, по словам Коли. Однако, чувствуется, что вопрос о «моем» и «нашем» Колю волнует.

Но обратимся к очерку.

Первое, что узнаем о Коле, — он похож, говорит автор, на его друга детства Митьку.

И еще: «Он осторожно и вдумчиво работает «бархатным» напильником, снимая с детали тончайший слой металла и подгоняя ее под заданный размер. Работать надо вручную. Это особенность экспериментального цеха и оборотная сторона медали, именуемая поиском. Невозможно искать новое, используя штампы».

Эти две мысли далее в очерке

получают развитие. Сходство с Митькой имеет свой определенный смысл. Когда-то, еще в военное время, как вспоминает автор, он вместе с товарищами заготавливал дрова, чтобы обогреть школу. И хотя руки у него были в водяных мозолях, слова «Вот неутомимый!» и заметку в стенгазете заслужил Митька. Ведь у Митьки была пила, а у него лишь кухонный нож. Митька не дал ему свою пилу. «Мне не жалко, но вдруг ты сломаешь мою пилу». С тех пор, говорит автор, он возненавидел слово «мое».

О Митьке вспоминает он, бегая в инструменталку за сверлами и тисочками, завидуя Коле, у которого свои инструменты.

Коля работает «красиво», «не торопясь, без напряжения». Может быть, его ничто не занимает, кроме собственной особы? И труд этот носит на себе отпечаток эгоизма?

— Намайлся? — спрашивает Коля товарища в перерыве и учит его, как надо правильно стоять за верстаком, чтобы не болели ноги. Приглядываясь к Коле, думая о нем, автор снова вспоминает Митьку. Однажды он проиграл ему в альчики, но Митька понял, что играл он без азарта, равнодушно, и заставил его переиграть, требуя борьбы, сопротивления. Митька любил преодолевать трудности. Коля тоже любит. Он работал столяром, перешел в слесари. «Дерево — такое покорное, его трудно полюбить. То ли дело — гордый и своенравный металл!»

«Право, Коля Орлов и Митька похожи друг на друга не только внешне, но и характерами», — такой вывод автора. И все-таки мера и степень этого сходства еще не ясны.

Проходит немного времени, и Коля сам предлагает товарищу:

«Пользуйся-ка моим инструментом. Мой верстак теперь будет наш верстак... А тисочки сам положишь в этот ящик».

И снова работают рядом два парня. Коля «красиво работает, хорошо работает».

Полный смысл этих слов станет

ясным, когда на слова новичка, что Коля берет над ним шефство, мастер отвечает:

«Это похоже на Колню».

Да, вот она щедрая красота труда, труда не для себя, а для всех. Щедрая, но не расточительная.

Хотя в очерке ни слова не сказано о размышлениях Коли, и это естественно, читатель, как бы проникает в эти мысли. Помогает совершить это проникновение рассказ о Митьке. Видно, Коля приглядывался к соседу, знакомился с ним, стоя за одним верстаком. Самое надежное знакомство. Ведь главное в труде познается. Это одна из основных мыслей очерка.

Видя, что товарищ любит труд и, значит, человек настоящий, Коля предлагает ему дружбу, и его инструменты, теперь для них общие инструменты.

Нет, не совсем похож Коля на Митьку. Митька пожалел «свою» пилу. А Коля?

Коля не бросает ключи от верстака... «В мире еще не все наше. В мире есть пока и мое». Но теперь это не только его ключи, это уже общие ключи. Да, просто в мире еще есть мое. Коля отвечает за свои инструменты и обязан доверять их только тому, кто заслуживает этого доверия.

Так, сопоставление с Митькой оказывается и противопоставлением. Неистовость в труде, в основе которой эгоизм, желание выделиться, — это не черта подлинного героя времени. Нет, ему свойственна истинная красота труда, труда на благо людей, труда, щедро раскрывающего свои тайны каждому, кто хочет их познать.

В главе о Коле Орлове уже чувствуются особенности творческого почерка В. Чернова. Правда, в очерках они лишь намечаются, еще развиваются пунктирно, но они уже есть.

Вот они, эти особенности. Стремление к обобщению и осмыслению отдельного факта, раскрытие характера и его психологии не только через его непосредственное изображение, но с помощью сопоставлений, ассоциаций,

вводных эпизодов. Здесь простор для вымысла очеркиста и вымысел оправдан, так как не нарушает правды факта и лишь придает факту более общий, более широкий смысл.

И, наконец, преподнесение и логических выводов, и человеческих характеров не в готовом виде, а в движении. «Я прошел путь в сто пятьдесят дней, чтобы увидеть Дмитрия Ивановича изнутри», — так пишет автор в следующей главе, посвященной старому бригадиру, внешне хмурому, неприветливому человеку, а на самом деле доброму и отзывчивому.

Вот это «увидеть изнутри» — пожалуй, и является главной целью В. Чернова. Увидеть изнутри, увидеть суть, увидеть ту человеческую красоту, которая прячется за обыденным, за внешностью, за мелочным и случайным, заслоняющим подчас эту суть. Увидеть черты вперёдсмотрящих в тех, кто ходит рядом с нами.

Чтобы рассмотреть и понять картину, мы не станем слишком далеко или слишком близко, мы выберем такое место и такое расстояние, которое даст нам необходимый угол зрения. Когда писатель создает произведение, происходит нечто подобное. Надо найти дистанцию, с которой смотреть на героя, найти определенный угол зрения. И, пожалуй, есть только один такой угол зрения, одна такая дистанция — дистанция соотнесенности со временем. Искать в герое то, что делает его героем своего времени, что рождено временем и отражает его ведущие черты. Ведь именно к этому призывали в своих выступлениях на июньском Пленуме Н. С. Хрущев и Л. Ф. Ильичев.

Можно, предположим, увидев покорителя целины в тот момент, когда он переживает какую-нибудь неудачу, изобразить его расслабленным хлюпиком. А можно, заметив его слабости, все же прежде всего увидеть необозримые просторы целинной пшеницы, новые поселки, рождающиеся города — дело рук этого молодого героя — и почувствовать его счастье, счастье человека-творца. В

первом случае автор выразил бы лишь свой ограниченный взгляд на жизнь. Во втором он отразил бы правду, ибо видел бы своего героя в его отношении со временем.

В очерках В. Чернова есть эта соотнесенность со временем. Вперёдсмотрящие, люди, делающие первые шаги в будущее,— вот кто такие его герои, рабочие экспериментального цеха, люди скромные, внешне обычные и в то же время совсем необычные, великолепные, красивые, ибо они несут в себе главные черты нашего трудного и героического времени.

От конкретного к общему — таков путь исследования молодого очеркиста, путь плодотворный и сулящий много доброго, если... если не забывать, что тенденция к обобщению (сама по себе необходимая) все же таит в себе и некоторую весьма существенную опасность при забвении чувства меры.

В чем эта опасность? — В возможном забвении частного, индивидуального, без которого любое обобщение может стать общей фразой. Трудно сказать, грозит ли сейчас В. Чернову такая опасность. Но некоторые симптомы все же есть. И о них нельзя не сказать. Герои его очерков почти лишены портретов. Мастер Сапецкий — человек с добрым ликом и улыбочивыми глазами, Дмитрий Иванович — неразговорчивый старик с тонкими губами и суровым взглядом. Коля — высокий худой парень. Тая — золотоволосая девушка. В портрете отмечено только то, что сразу бросается в глаза. Соответствует ли это авторскому стремлению заглянуть глубоко внутрь человеческой души?

Кроме того, автор, говоря о своих героях, нигде не выходит за пределы цеха. Нет и намека на какие бы то ни было иные человеческие отношения, кроме трудовых. Возможно, более пристальное внимание к каждому в отдельности открыло бы в них много интересного — ведь бригада стремится следовать моральному кодексу строителя коммунизма, который включает в себя очень многие стороны человеческих

отношений. Может быть, зная лучше жизнь Дмитрия Ивановича, В. Чернов не назвал бы его стариком, который скоро уходит на пенсию, — ведь бригадиру было немногим более сорока лет.

Хорошо то, что в очерке есть главное — чувство времени, черты героя современности. Хотелось бы только, чтобы полнее, многоцветнее обрисовывались автором человеческие характеры.

Татьяна БАТУРИНА.